

мѣсто. Склонностей специальныхъ у него тоже не было, особенно хорошо онъ тоже ничего не дѣлалъ: „онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо, но и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ, строгалъ, точаль сапоги“¹⁾.

Если въ серединности видѣть добродѣтель, и въ такой универсальности способностей прогрессъ, то Каратаевъ могъ бы быть тѣмъ идеаломъ, къ которому должно стремиться современное человѣчество, влавшее въ крайности и заѣденное специализмомъ.

Но такъ ли ужъ достоинъ подражанія Каратаевъ? Нѣтъ ли въ его мышленіи какой-нибудь одной особенно ясной тенденціи, во имя которой мы должны отказаться отъ русскаго благообразія Каратаева? Стоитъ только прислушаться къ его разсказамъ и афоризмамъ, чтобы ее легко найти. Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, который такъ живо и непосредственно могъ передать только Толстой, Каратаевъ разсказываетъ о томъ, какъ какой то старикъ-купецъ былъ по ошибкѣ обвиненъ въ убийствѣ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ онъ послѣ долгаго времени встрѣчается съ дѣйствительнымъ убийцей, который, видя страданія старика, рѣшился „объявиться по начальству“. Пусть дальше разсказываетъ Каратаевъ: „пока что пришелъ царскій указъ: выпустить купца, дать ему награжденія, сколько тамъ присудили.—Пришла бумага, стали старишка разыскивать: „Гдѣ такой старичекъ безвинно, напрасно страдаль? Отъ царя бумага вышла!“ Стали искать. (Нижняя челюсть Каратаева дрогнула). А его ужъ Богъ простилъ—померъ. Такъ то соколикъ“²⁾.

Развѣ можно было проще и ярче выразить всю тщету и суetu людской жизни? Люди осуждаются, наказываются, не зная гдѣ правда, потомъ рѣшаютъ простить, но за нихъ это дѣлаетъ Богъ. Что-то, очевидно происходитъ въ мірѣ помимо желанія людей, которые оказываются смѣшными и безсильными: „Рокъ, головы ищетъ—говорить каратаевская мудрость—а мы все судимъ: то не хорошо, то не ладно“. Жизнь, очевидно, идетъ „не нашимъ умомъ, а Божиимъ судомъ“.

Это постороннее нѣчто, властно вмѣшивающеся въ жизнь людей, болѣе важно, чѣмъ вся ихъ суeta и болѣе утѣшительно, чѣмъ земная милости. „Взоръ иноческій“ видитъ въ нашемъ Каратаевѣ что-то опасное и усипляющее: „Не правда ли,—говорить французскій критикъ Богюэ,—вы узнаете здѣсь ходъ мысли и вѣковое помѣшательство восточнаго аскетизма, культь юги, непод-

1) „В. и М.“ т. IV стр. 62.

2) „В. и М.“ т. IV стр. 194.